

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН
ГАРДНЕР ДОЗУА
ДЭНИЕЛ АБРАХАМ

БЕГСТВО ОХОТНИКА

**Дэниел Абрахам
Гарднер Дозуа
Джордж Мартин
Бегство охотника
Серия «Незнакомцы»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8382921

*Бегство охотника: [фантаст. роман] / Дж. Р. Р. Мартин, Гарднер Дозуа, Дэниел Абрахам: АСТ;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-17-085632-9

Аннотация

Планета Сан-Паулу, расположенная на задворках галактики, стала домом для сотен тысяч землян.

Невероятные приключения старателя Рамона заставляют вспомнить бродяг Джека Лондона и Брета Гарта.

Противостояние дикой природы, загадочных инопланетных обычаев и всепроникающей людской алчности.

И, конечно же, старые как мир – любовь, честь и верность идеалам.

Содержание

Увертюра	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	22
Часть вторая	27
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джордж Мартин, Дэниел Абрахам, Гарднер Дозуа Бегство охотника

George R.R. Martin
Gardner Dozois
Daniel Abraham
HUNTER'S RUN

© George R.R. Martin, Gardner Dozois, Daniel Abraham, 2007

© Перевод. Н.Кудряшов, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Посвящается Конни Уиллис, которая научилась всему, что она знает, от Гарднера и Джорджа, а потом сама обучила Дэниела

Увертюра

Рамон Эспехо проснулся, плавая в море черноты. Еще секунду он расслабленно не думал ни о чем, мирно паря, потом лениво, неспешно, словно мысль, которую гонишь от себя, вернулось сознание.

После глубокого, теплого небытия осознание себя не доставило ему удовольствия. Еще не до конца проснувшись, он ощутил тяжесть всего, что составляло его личность, навалившуюся ему на сердце. Отчаяние, и злость, и беспрестанно глодавшая его тревога звучали у него в мозгу негромким треском – словно кто-то прокашливался в соседней комнате. Некоторое время он пребывал в состоянии блаженного «никто», и вот он снова стал самим собой. Его первой по-настоящему осознанной мыслью стала попытка усомниться в испытанном от этого разочаровании.

Он – Рамон Эспехо. Он улетел из Нуэво-Жанейро для работы на перспективных территориях. Он... он... Рамон Эспехо.

Там, где он рассчитывал найти подробности своей жизни: что он делал вчера ночью, что ему предстоит делать сегодня, что за обиды он лелеет, что за огорчения язвят его, – там ничего этого не было. Он знал, что он – Рамон Эспехо, но он не знал ни где он, ни как он сюда попал.

Немного встревожившись, он попытался открыть глаза и обнаружил, что они уже открыты. Где бы он ни был, в этом месте царила абсолютная темнота, темнее ночи в джунглях, темнее даже самых темных пещер в утесах у Лебединой Отрыжки.

Или он ослеп.

Эта мысль пронзила его тоненькой нитью паники. Он слышал рассказы о тех, кто напивался дешевым синтетическим мускатом или «Сладкой Марией» и просыпался слепым. Может, он тоже так? Мог ли он настолько утратить контроль за собой? Страх холодной липкой струйкой обжег ему позвоночник. Однако же голова у него не болела, и жжения в желудке он тоже не ощущал. Он зажмурился, потом поморгал, неосознанно надеясь, что зрение вернется само собой; добился он этим только того, что по сетчатке поплыли разноцветные пятна – еще более раздражающие в окружающей темноте.

Обволакивавшее его поначалу ощущение сонной летаргии ушло, и он попробовал подать голос. Он чувствовал, как медленно открывается и закрывается рот, но не услышал ничего. Может, он еще и оглох? Он попытался повернуться и сесть, но не смог. Он лежал на спине, ни на что не опираясь, словно плавал в чем-то. Он не трепыхался, но мысли в голове лихорадочно теснили одна другую. Он уже окончательно проснулся, но так и не мог вспомнить ни того, где он, ни того, как он сюда попал. Возможно, ему грозила опасность: его внезапная неподвижность не наводила на особо радужные мысли. Может, он где-то глубоко в шахте, и его завалило? Он попробовал сосредоточиться на ощущениях своего тела и после нескольких попыток был вынужден признать, что не чувствует ни своего веса, ни давления окружающей среды. Вообще ничего. *Ты можешь ничего не чувствовать, если у тебя перебит позвоночник*, подумал он, похолодев от ужаса. Однако следующие несколько секунд убедили его, что это не так: он *мог* шевелиться, хотя совсем чуть-чуть – когда он сделал еще одну попытку сесть, что-то ему воспрепятствовало, разогнув спину, толкнув руки и плечи назад. Как если бы он двигался в густом сиропе – только этот сироп сопротивлялся его движениям, мягко, но неодолимо удерживая на месте.

Он не ощущал на коже ни влаги, ни воздуха, ни холода, ни тепла. Похоже, первое его впечатление оказалось верным: он плавал, заключенный в темноту, не в силах двинуться с места. Он представил себе образ насекомого в янтаре, только янтарь этот не затвердел еще окончательно. Но как тогда он дышит?

Я не дышу, сообразил он. Я вообще не дышу.

На него накатила волна паники, и он рассыпался как хрупкое стекло. Страх лишил его способности мыслить – теперь он просто бился за жизнь со звериным отчаянием. Он царапал обволакивающую его пустоту ногтями, он пытался прорваться сквозь нее к воображаемому воздуху. Он пытался визжать. Время утратило для него всякий смысл, борьба завладела им без остатка, так что он не знал, много ли времени прошло, прежде чем он сдался, выбившись из сил. Чертов сироп мягко отталкивал его в прежнее положение. По логике вещей ему полагалось бы вспотеть и задыхаться, он ожидал слышать в ушах пульсацию крови, а в груди – биение сердца, но на деле ничего такого не происходило. Ни дыхания, ни сердцебиения. Ни желаний глотнуть воздуха.

Он умер.

Он умер и плавает в каком-то безводном море, простирающемся во все стороны до бесконечности. Даже ослепнув и оглохнув, он каким-то образом ощущал необъятность этого безмерного полуночного океана.

Он умер и попал в чистилище – то самое чистилище, которым постоянно пугал всех Папа в Сан-Эстебане. Он ждет здесь, в темноте, Страшного суда.

При мысли об этом он чуть не рассмеялся – священник в крошечной деревенской церквушке на севере Мексики сулил ему совсем другое. Отец Ортега частенько повторял, что судьба ему, Рамону, отправиться напрямик в геенну огненную – тотчас же, как он умрет без последнего причастия. Однако отделаться от этой мысли Рамону не удавалось. Он умер, и эта пустота – бесконечная чернота, бесконечная неподвижность, запершие его наедине с собственным рассудком, – судя по всему, поджидала его всю жизнь, что бы там ни обещала церковь. Ни грехи его, ни почти искренние раскаяния не значили ровным счетом ничего. Похоже, теперь ему остались лишь бесконечные годы размышлений о собственных грехах и провалах. Он умер, и кара его – бесконечно глотать себя под незримым и неотступным взглядом Господа.

Но *как* это произошло? Как он умер? Память откликалась нехотя, лениво – словно застывший за ночь движок фургона, заводящийся с десятой попытки, да и работающий неровно, с перебоями.

Он принялся методично перебирать все, что вспомнилось, самые знакомые образы. Комнату Елены в Диеготауне с маленьким окошком над кроватью, массивные землебитные стены. Трещины в раковине, уже проржавевшей почти насквозь, несмотря на то, что колония землян еще и сорока лет не прожила на этой планете. Крошечных алых скользунов, которые снуют по потолку, шевеля бахромой из нескольких рядов ножек – ни дать ни взять многовековые галеры. Резкие запахи лакрицы и ганджи, пролитой текилы и жареного перца. Гул разгоняющихся к орбите транспортников над городом.

Постепенно в голове стала складываться картина событий последних дней – клочками, туманными, плохо стыкующимися друг с другом отрывками. Он приехал в Диеготаун на празднование Благословения Флота. Был парад. Он ел жареную рыбу и шафрановый рис – купил у уличного торговца. Смотрел фейерверки. Воняло как в шахте при взрывных работах, и прогоревшие ракеты, падая в море, шипели словно змеи. Огненный великан размахивал руками, как от чудовищной боли. Это было, или ему только привиделось? Старый Мануэль Гризго распинался насчет того, как у него все будет, когда конвой энианских кораблей наконец выйдет из прыжка у планеты Сан-Паулу. Он весь вспыхнул – так отчетливо вспомнился вдруг запах тела Елены. Но это ведь было еще раньше...

Кажется, вышла потасовка. Да, он подрался с Еленой. Он вспомнил ее голос: высокий, обиженный и злобный, как у питбуля. Он ее ударил. Это он вспомнил точно. Она визжала, пыталась выцарапать ему глаза и лягнуть в яйца. Ну и потом они помирились, как всегда.

Позже она гладила пальцами шрамы от мачете у него на руке, а он удовлетворенно, сыто заснул. Или это было в другой вечер? Слишком много вечеров у них заканчивалось вот так...

Но ведь *была* и другая драка – не в тот вечер, раньше, с кем-то еще... Однако его мысли упрямо не желали возвращаться к этой теме, пятясь от нее, как мул от змеи на узкой тропе.

Он ушел от нее до зари, выскользнув из комнаты, в которой стоял густой запах пота и секса. Она еще спала, так что ему не пришлось с ней объясняться. Утренний ветерок приятно охлаждал кожу. Плоскомехи разбегались у него из-под ног по грязной мостовой, и их тревожные вопли звучали хором потревоженных гобоев. Он залетел со своим фургоном на сервис, потому что собирался... пока его не поймали...

Память снова провалилась. Теперь это уже не походило на ту тошнотворную забывчивость, которая поглотила весь его мир. Теперь его сознание просто отказывалось вспоминать конкретный момент. Медленно, стиснув зубы, он заставил память подчиниться своей воле.

Весь день он регулировал в фургоне две подъемные тубы. С ним кто-то был. Ну да, Гризго, и он собачился насчет запчастей. А потом он полетел куда-то в глушь, в дикие места, *terreno cimarron*¹...

Но его фургон взорвался! Ведь правда? Он вдруг вспомнил, как взрывался фургон, но почему-то ему запомнилось, как он смотрит на это с расстояния. Взрыв его не задел; тем не менее вспоминать ему об этом было больно. Значит, гибель фургона стала частью этого, чем бы *оно* ни было. Он попытался сосредоточиться на этом мгновении – яркой вспышке, горячей ударной волне...

Если бы сердце его еще билось, оно бы наверняка остановилось от ужаса, когда память вернулась к нему.

Он вспомнил. И возможно, ему лучше было бы умереть и попасть в ад.

---

¹ дикие земли (*исп.*).

Часть первая

Глава 1

Рамон Эспехо вздернул подбородок, провоцируя соперника напасть первым. Толпа, заполнившая переулок у занюханного бара под названием «Эль рей», раздвинулась, образовав кольцо; люди теснились, толкая друг друга, разрываемые противоречивыми побуждениями разглядеть получше происходящее или убраться на безопасное расстояние. Возгласы их тоже были противоречивы: одни подзадоривали драчунов, другие (правда, менее настойчиво) советовали помириться. Напротив него подпрыгивал и размахивал руками светловолосый здоровяк, европеец. Щеки его покраснелись от спиртного, холеные руки сжались в кулаки. Ростом он был выше Рамона, да и руки длиннее. Рамон видел, как бегают у противника глаза, настороженно шаря по толпе. Похоже, толпа пугала европейца не меньше, чем сам Рамон.

– Ну, давай, *pendejo*²! – с ухмылкой произнес Рамон. Он поднял руки, широко разведя их в стороны, словно собираясь обнять забияку. – Ты хотел власти. Так поди попробуй получи.

Вспыхивавшие диоды вывески бара попеременно окрашивали ночь синим и красным. А высоко над ними сияли в небе звезды, едва ли не более яркие, чем огни Диеготауна.

Созвездие Каменного Великана смотрело на окруженных толпой мужчин, и еще одна звезда чуть в стороне косила на них недобрым красным глазом, словно подталкивая к драке.

– А вот и сделаю, урод мелкий, – огрызнулся европеец. – Вот сейчас надеру твою костлявую задницу!

Рамон только оскалил зубы и сделал рукой жест, приглашающий противника подойти ближе. Европеец явно хотел перевести это обратно в словесную перепалку, но было уже поздно. Голоса в толпе слились в один возбужденный рев. Европеец напал первым. Движения его по изяществу мало отличались от падающего дерева: здоровенный левый кулак медленно, словно вязкую патоку рассекал воздух. Рамон поднырнул под удар, и нож словно сам собой скользнул из рукава ему в руку. Одним движением он выкинул лезвие из рукояти и всадил здоровяку в живот.

На лице у европейца застыло выражение почти потешного удивления, и он негромко охнул.

Рамон нанес еще два резких, сильных удара, для верности повернув лезвие в теле. Он стоял, почти прижавшись к европейцу, и в нос ему бил цветочный запах одеколона, которым тот пользовался, а на лице ощущался его лакричный выдох. Толпа разом притихла: европеец опустился на колени, потом откинулся назад и сел, широко раздвинув ноги, в грязь на мостовой. Длинные холеные пальцы бестолково сжимались и разжимались; заливавшая их кровь то бледнела, когда светодиодная вывеска вспыхивала красным, то чернела, когда красный сменялся синим.

Рот у европейца приоткрылся, и оттуда тоже хлынула кровь. Медленно, очень медленно, словно в замедленной съемке он повалился на бок. Несколько раз дернул ногами, выбив пятками дробь по земле. Затих.

Кто-то в толпе потрясенно выругался.

---

² придурок (*исп.*).

Пронзительная, самодовольная радость, охватившая Рамона, померкла. Он оглядывался по сторонам: со всех сторон его окружали широко раскрытые глаза, разинутые удивленными буквами «О» рты. Алкоголь в крови перегорел, и на поверхность рассудка всплыли трезвые мысли. Им овладело тошнотворное ощущение того, что его предали: кто, как не эти люди подталкивали его, науськивали на драку. А теперь они же от него отворачивались за то, что он победил!

– Ну? – крикнул Рамон остальным завсегдадаям «Эль рей». – Вы же слышали, что он говорил! Видели, что он сделал!

Но переулочек пустел. Даже женщина, что была с европейцем, из-за которой все и началось – и та исчезла. Только Микель Ибраим, управляющий «Эль рей», шел в его сторону, и на его медвежьем лице застыло выражение прямо-таки библейского терпеливого страдания. Он протянул свою лапишу, и Рамон снова задрал подбородок и выпятил грудь, словно жест Микеля был для него оскорбителен. Управляющий только вздохнул, медленно покачал головой и требовательно щелкнул пальцами. Рамон скривил губу, отвернулся и сунул рукоять ножа в протянутую ладонь.

– Полиция выехала, – предупредил его управляющий. – Шел бы ты домой, Рамон.

– Ты же видел, что произошло, – сказал Рамон.

– Нет, меня здесь не было, когда это случилось, – возразил Микель. – И *тебя* тоже, понял? А теперь ступай домой. И помалкивай.

Рамон сплюнул на землю и побрел в ночь. Только тронувшись с места, он понял, насколько пьян. Выйдя к каналу у Плазы, Рамон задержался, прислонился спиной к дереву и выждал некоторое время, пока не смог идти не шатаясь. Вокруг него ночной Диеготаун добирал недельную норму спиртного, листьев кафа и секса. Из цыганских плавучих домиков на канале доносилась музыка – быстрый, веселый аккордеон, на который накладывались трубы, барабаны и крики танцующих.

Где-то в темноте печально закричал тенфин – «птица», хотя на самом деле это была летающая ящерица. Крик этот жутковато напоминал безутешный женский плач, и это давало повод мексиканским крестьянам, составлявшим большинство в этой колонии землян, говорить, что *La Llorona* — Плачущая Женщина – прилетела вместе с ними сквозь звезды на эту новую планету и плачет теперь не только по тем детям, что навсегда остались на Земле, но и по тем, что умрут в этом новом жестоком мире.

Рамон, конечно, не верил в подобную ерунду. Но когда призрачный плач возвысился до душераздирающего крещендо, он не удержался от невольной дрожи.

Наедине с собой Рамон даже жалел этого дурацкого европейца. Уж наверное, достаточно было бы повозить его мордой по грязи, как следует унижить, ну там, взгреть по первое число... Но когда Рамон напивался и начинал злиться, у него всегда отказывали тормоза. Он понимал, что не стоит пить слишком много и что, когда он попадает на люди, это, похоже, всегда заканчивается подобным образом. Почти весь вечер он ощущал в животе противный болезненный узел, какой, казалось, всегда появлялся с каждым его приездом в этот город, а когда он достаточно набрался для того чтобы забыть об узле в желудке, кто-нибудь да говорил или делал что-нибудь, приводящее его в ярость. Не всегда это завершалось поножовщиной, но добром не заканчивалось никогда. Рамону это не нравилось, но и стыдиться он не собирался. В конце концов он мужчина – независимый изыскатель дальнего земного пограничья, где не успело еще смениться даже одно поколение колонистов. Видит Бог, он мужчина! Он крепко пьет, он дерется насмерть, и всякий, кому это не по душе, может держать свое мнение при себе!

Семейство *tapanos* – мелких, похожих на енота амфибий с напоминавшей ежовые иглы чешуей, выбралось из воды, смерило Рамона взглядами своих блестящих черных глазок и потопало в сторону площади в надежде поживиться объедками. Некоторое время Рамон

смотрел им вслед, потом покосился на оставленные ими мокрые следы, вздохнул и заставил себя оторваться от дерева и встать.

Дом Елены находился в лабиринте узких улочек за губернаторским дворцом. Она жила над мясной лавкой, и в окошко со стороны двора частенько несло тухлятиной. Он подумал, не переночевать ли в фургоне, но слишком устал, да и тело ломило. Хотелось под душ, и пива, и тарелку чего-нибудь горячего, чтобы перестало бурчать в желудке. Он медленно, стараясь не шуметь, поднялся по лестнице; впрочем, в окнах Елены все равно горел свет. Из расположенного к северу от города космопорта поднимался на орбиту челнок: синие и красные бортовые огни скользили по небосклону среди звезд. Рамон постарался отворить дверь так, чтобы лязг и шипение потонули в рокоте маршевых движков.

Но это не помогло.

– Где ты, мать твою, шлялся? – взвизгнула Елена, стоило ему шагнуть в комнату. На ней было тонкое хлопчатобумажное платье с пятном на рукаве, и волосы она забрала в пучок темнее ночного неба. Елена гневно скалила зубы, и рот ее казался почти квадратным.

Рамон закрыл за собой дверь и услышал, как она охнула. Вся злость ее разом испарилась. Он ощутил ее взгляд на перепачканных кровью европейца рукаве и штанине. Он пожал плечами.

– Придется это сжечь, – сказал он.

– Ты цел, *mi hijo*³? Что случилось?

Он терпеть не мог, когда она называла его так. Никакой он не сынок, он взрослый мужчина. Впрочем, это было все же лучше, чем драка, а потому он улыбнулся и потянул за пояс, расстегивая пряжку.

– Я в норме, – сказал он. – Досталось другому ублюдку.

– Полиция... что полиция?..

– Может, и ничего, – отозвался Рамон, спуская штаны до колен. Потом потянул через голову рубаху. – Но это все равно лучше сжечь.

Она ни о чем его больше не спрашивала, только отнесла окровавленную одежду в печь для сжигания мусора, общую на весь квартал, а Рамон тем временем принял душ. Судя по дисплею-таймеру на зеркале, до рассвета оставалось еще часа три-четыре. Он стоял под струями теплой воды и смотрел на украшавшие его тело шрамы: широкую светлую полосу на животе там, где его полоснул стальным крюком Мартин Касаус, и уродливый бугор чуть ниже локтя – след от мачете, которым какой-то пьяный ублюдок едва не отсек ему руку. Старые шрамы. Одни старше других. Ему они не мешали; скорее он ими даже гордился. Они добавляли ему мужественности.

Когда он вышел, Елена, скрестив руки под грудью, стояла у выходящего во двор окна. Когда она повернулась к нему, Рамон приготовился к взрыву, к вспышке ее гнева. Но она лишь смотрела на него, сложив губы бутончиком, широко раскрыв глаза. Голос ее, когда она заговорила, звучал совсем по-детски... нет, хуже: как у женщины, пытающейся говорить по-детски.

– Я боялась за тебя, – произнесла она.

– Вот уж незачем, – возразил он. – Я крепок, как старая кожа.

– Но ты один, – настаивала она. – Когда убили Томаса Мартинеса, их было восемь. Она навалились на него, когда он выходил из дома своей подружки, и...

– Томас был мелкий ублюдок, – отмахнулся Рамон, словно *настоящему* мужику и положено в одиночку драться с восьмерыми.

Губы Елены сложились в улыбку, и она двинулась к нему, поводя бедрами так, словно это ее лоно тянулось к нему, а все остальные части тела неохотно тащились вдогонку.

---

³ сынок (*исп.*).

Конечно, понимал он, все могло выйти и совсем по-другому. Они запросто могли бы провести эту ночь, как множество других – крича друг на друга, швыряясь посудой, переходя на мордобой. Но даже так все могло бы закончиться сексом, а он достаточно устал и был рад тому, что они могут просто потрахаться, и уснуть, и забыть этот дурацкий, бездарный день. Елена стащила через голову платье. Рамон привычно принял ее в объятия. Из мясной лавки на первом этаже доносился запах несвежей крови – жутковатый земной дух, прилетевший сквозь пустоту вместе с колонистами.

Потом Рамон лежал, ощущая себя выжатым, на кровати. Над крышей прогрохотал еще один стартовавший челнок. Обычно они летали раз в месяц, если не реже. Однако на носу было прибытие эний – раньше, чем их ожидали, – и для приема кораблей и их груза требовалось достроить стационарную платформу над Диеготауном.

Несколько поколений назад цивилизация вырвалась из оков гравитации Земли, Марса и Европы и отправилась покорять звезды. Человечество рассчитывало разбрасывать семя по вселенной с щедростью отпрыска аристократического рода в дешевом борделе, но вышло, конечно, не так. Вселенная оказалась уже занята. Другие расы, освоившие межзвездное перемещение, заселили ее гораздо раньше.

Мечты об империи съезжились, превратившись в мечты о богатстве, да и последние со временем сменились лишь пристыженным удивлением. Несовершенные, загадочные технологии серебряных эний или туру – скорее землян победила сама природа космоса. Точно так же, как победила она и остальные бороздящие межзвездное пространство расы. Эта чернота оказалась огромной. Необъятной. Сообщение со скоростью света было для нее слишком медленным. Собственно, на таких расстояниях его и сообщением-то трудно было назвать. Управление сделалось невозможным. Местные законы превратились в фарс. Наиболее удаленные поселения Торгового Альянса, присоединиться к которому землян «убедили» серебряные энии (примерно так же, как в свое время линкоры адмирала Перри «убедили» японцев открыть свои острова для торговли), выпадали из контакта на протяжении нескольких поколений, или про них просто забывали, или же решение их проблем откладывали для неродившихся еще бюрократов.

Мечтать о власти над космосом – ну или хотя бы о том, чтобы держаться с ним на равных – может только отсталый провинциал, сидящий на дне гравитационного колодца. Стоит оказаться среди звезд, как все начинает выглядеть совершенно иначе.

Преодолеть столь огромные расстояния не смогла ни одна раса – пришлось преодолевать время. И в итоге именно это помогло землянам найти наконец свою нишу в переполненной, хаотической черноте вселенной. Энии и туру, увидев весь ущерб, нанесенный землянами собственной природе, увидев исконно людское стремление к переменам и власти, их неспособность заботиться о последствиях своих действий, расценили эти качества скорее как достоинства. В результате руководящие умники – и земные, и внеземные – медленно, но верно пришли к соглашению. Везде, где условия жизни отличались от комфортных или были просто опасны, везде, где флора и фауна были особенно дикими – там селили землян. На десятки лет или столетия, необходимые для приручения или покорения этих планет, серебряные энии, съяны, туру или другие обретающиеся в тех краях расы брали на себя ту роль, какую выполняли торговые суда в древние времена географических открытий на Земле.

На колонии Сан-Паулу не сменилось еще и одного поколения поселенцев. До сих пор еще живы были несколько женщин, помнивших первую посадку в этом девственном мире. Диеготаун, Нуэво-Жанейро, Сан-Эстебан. Амадора. Собачка. Прыжок Скрипача. Все эти южные города разрастались, как плесень в чашке Петри. Люди умирали от почти незаметных токсинов в местной пище. Люди обнаружили в лесах крупных, похожих на кошку ящериц, к которым скоро прилипло название *чупакабра* в честь мифических овцезезов Старой Земли. Эти твари гордо занимали верхнюю ступеньку местной трофической цепи, и открытие их

тоже стоило человеческих жизней. Серебряные энии с глазами как у устриц не погибали. Похожие на стеклянных насекомых туру не погибали. Загадочные съяны, предпочитающие жить в невесомости, не погибали.

А теперь – с опережением графика – ожидалось прибытие огромных кораблей, наполовину живых существ, доверху забитых оборудованием и людьми с других поселений, надеющимися обосноваться здесь, на Сан-Паулу. Ну, и это же давало возможность улететь отсюда тем, для кого колония сделалась тюрьмой. Не один и не два человека спрашивали уже у Рамона, не подумывает ли он улететь туда, в черноту, но спрашивавшие явно плохо себе представляли его душу. Он уже *бывал* в космосе, и он прилетел *сюда*. Единственное, что могло бы привлечь его – это возможность найти место, где людей было бы еще меньше, чем здесь, – во что он не верил. Как бы хреново ему ни бывало на Сан-Паулу, представить себе окружение, уступающее этому по части мерзости, он не мог.

Он не помнил, как заснул, но когда проснулся, позднее утреннее солнце светило сквозь Еленино окно прямо ему в лицо. Он слышал, как Елена мурлычет что-то себе под нос в соседней комнате, собираясь по утренним делам. *Заткнись, сука чертова*, подумал он, морщась от похмельной головной боли. Музыкальным слухом она не отличалась; почти каждая нота была у нее невтопад. Рамон лежал молча, мечтая о том, чтобы снова заснуть или окатиться подальше от этого города, от этого надоедливости шума, от этой женщины, от этого мгновения. Потом пение Елены перекрыл сердитый шипящий звук, а мгновение спустя до него донесся запах чесночных колбасок и жареного лука. Рамон вдруг ощутил в желудке зияющую пустоту. Вздыхнув, он приподнялся на локтях, спустил с кровати ватные со сна ноги и, пошатываясь, доплелся до двери.

– Вид у тебя дерьмовый, – сообщила Елена. – Не знаю, чего это я вообще пустила тебя к себе. И не тяни руки! Это *мой* завтрак! Поди заработай на свой!

Рамон перебрасывал горячую колбаску из ладони в ладонь, пока она не остыла немного, и только тогда откусил кусок.

– Я пятьдесят часов в неделю горбачусь ради куска хлеба. А что *ты?* – не унималась Елена. – Шатаешься по *terreno cimarron*, а в город возвращаешься, только чтобы пропить все, что заработал. Да у тебя даже койки собственной нет!

– Кофе есть? – коротко спросил Рамон. Елена мотнула подбородком в сторону старого термоса на столе. Рамон сполоснул под краном железную кружку и налил себе вчерашнего кофе. – Я найду свою золотую жилу, – сказал он. – Уран или тантал. Я загребу достаточно денег, чтобы до конца жизни больше не работать.

– А тогда выкинешь меня и найдешь себе какую-нибудь молоденькую портовую шлюшку, чтобы она таскалась за тобой. Знаю я вас, мужиков, вы все одинаковы.

Рамон стянул с ее тарелки еще одну колбаску, и Елена шлепнула его по руке. Больно шлепнула.

– Сегодня у нас парад, – сообщила она. – В честь прилета. Губернатор устраивает показуху для эний. Пусть их думают, что мы тут радуемся как дети тому, что они раньше приперлись. Обещал танцы и дармовой ром.

– Энии и считают нас дрессированными собачками, – отозвался Рамон с набитым ртом.

Губы у Елены сжались в жесткую линию; взгляд похолодел.

– Мне кажется, там будет весело, – произнесла она с чуть заметной угрозой в голосе. Рамон пожал плечами. В конце концов, он спал в ее постели. Он всегда понимал, что за все приходится платить.

– Пойду оденусь, – сказал он и допил кофе. – У меня еще немного денег осталось. Сегодня плачу я.

Саму церемонию Благословения Флота они пропустили: Рамон не испытывал ни малейшего интереса к попам, бормотавшим какую-то белиберду, поливая галлонами святой воды дряхлые рыбацкие лодки. Однако они успели к началу следовавшего за этим парада. Ширины главной улицы, тянувшейся вдоль губернаторского дворца, хватало, чтобы по ней прошло в ряд пять тягачей, пусть при этом и блокировалось встречное движение. Огромные надувные фигуры медленно, останавливаясь порой на минуту-другую, плыли над толпой. Новомодные объекты – утыканные светящимися точками «иллюминаторов» космические корабли туру, каждый из которых тянула конская упряжка, пластиковая чупакабра со светящимися красными глазами, щелкавшая зубами из старых пластиковых труб, – чередовались с традиционными: огромными изображениями Иисуса, Боба Марли и Деспегандской Девы. Имелась также явная карикатура на губернатора в два человеческих роста, узнаваемая и не слишком чтобы почтительная: надутые губы вытянулись в трубочку, словно готовились целовать задницу серебряных эний. Эту фигуру толпа встречала хохотом и улюлюканьем. Первая волна колонистов прибыла сюда из Бразилии – они и дали планете имя Сан-Паулу. Хотя почти никто из них не бывал в Португалии, испаноязычные колонисты, по большей части мексиканцы, прибывшие со второй и третьей волной переселенцев, звали их «португальцами». «Португальцы» до сих пор занимали ключевые позиции в местном правительстве и самые доходные рабочие места, так что представители испаноязычного большинства, оказавшись и в новом доме людьми второго сорта, не испытывали к ним особой симпатии.

Следом за надувными куклами шли музыканты: оркестры барабанщиков, струнные оркестры, уличные музыканты-марьячи, марширующие отряды зуавов, марширующие гитаристы, исполняющие *фадо*. Акробаты на ходулях и жонглеры. Порхающие словно птицы девушки-танцовщицы в недошитых карнавальных костюмах. Поскольку рядом была Елена, Рамон старательно избегал пялиться на их сиськи... ну, или по крайней мере делал это так, чтобы она не замечала.

Прилегающие к главной улице переулки тоже были забиты до отказа. Кофейные киоски и торговцы ромом; пекари, предлагавшие печенье в форме чупакабр или красножилеток; тележки, с которых торговали жареной рыбой, лепешками и плодами местных деревьев; уличные артисты, музыканты, фокусники и карточные шулера – все старались извлечь из импровизированного фестиваля максимум прибыли. Первый час Рамон почти получал от этого удовольствие. Потом непрерывный гам, толкотня и запах пота начали действовать ему на нервы. Елена полностью впала в детство – восторженно визжала как маленькая, таская его за руку от одного места к другому и тратя его деньги на сладкую вату и сахарные черепа. Ему удалось сбавить ее темп, купив немного настоящей еды – вощенный бумажный пакет шафранного риса, острого перца и жареного маслкрыла, а еще высокий, узкий стакан ароматизированного рома, – и они, выбрав подходящий холмик в ближайшем парке, посидели на траве, глядя на медленно текущую мимо них людскую реку.

Елена как раз облизала жирные от еды пальцы и прижалась к нему, будто цепью обвив его плечо рукой, когда Патрисио Галлегос увидел их и медленно направился по склону в их сторону. Походка у него была неровная: сказывался перелом бедра, полученный им во время оползня. Геологическая разведка – работа небезопасная. Рамон наблюдал за его приближением.

– Привет, – произнес Патрисио. – Как дела?

Рамон пожал плечами – вернее, попытался, поскольку Елена продолжала цепляться к нему как плющ.

– А у тебя? – поинтересовался Рамон.

Патрисио помахал рукой – типа ни шатко ни валко.

– Обследую солевые залежи на южном побережье для одной корпорации. Работа нудная, но платят регулярно. Не то что на вольных хлебах.

– В наше время не до выбора, – заметил Рамон, и Патрисио кивнул, будто тот сказал что-то особо мудрое. На улице под ними медленно разворачивалась, шелкая своими дурацкими челюстями, надувная чупакабра.

Патрисио не уходил. Рамон прикрыл глаза рукой от солнца и внимательно посмотрел на него.

– Что? – спросил он.

– Слышал про посла с Европы? – спросил Патрисио. – Ввязался в драку в «Эль рей». Какой-то псих пырнул его то ли бутылочным горлышком, то ли еще чем таким.

– Правда?

– Правда. Он умер прежде, чем его успели привезти в больницу. Губернатор кипятком писает от ярости.

– А мне-то ты чего об этом рассказываешь? – спросил Рамон. – Я не губернатор.

Елена так и сидела рядом с ним, неподвижная как изваяние, глаза ее сощурились от внезапного осознания того, что произошло накануне. Рамон взглядом пытался заставить Патрисио уйти или хотя бы заткнуться, но тот не замечал – или не хотел замечать.

– У губернатора и так полно хлопот с прилетом эний. Теперь ему еще придется выслеживать того парня, что пришел посла – надо же ему показать, что в колонии поддерживается законный порядок и все такое. У меня двоюродный брат у старшего констебля работает, так они там с ног сбились.

– Угу, – кивнул Рамон.

– Я просто подумал... ну... Ты ведь ошиваешься иногда в «Эль рей».

– Не вчера, – насупившись, буркнул Рамон. – Можешь сам у Микеля спросить. Я там не весь вечер провел.

Патрисио улыбнулся и осторожно шагнул назад. Чупакабра испустила негромкий электронный рык, и окружавшая ее толпа разразилась хохотом и аплодисментами.

– Ну ладно... – протянул Патрисио. – Я просто думал. Ты же понимаешь...

Разговор как-то скис. Патрисио улыбнулся, кивнул и захромал вниз по склону.

– Это ведь не ты, правда? – наполовину прошептала, наполовину прошипела Елена. – Не ты убил этого гребаного посла?

– Никого я не убивал, тем более европейца. Что я, дурак, по-твоему? – отозвался Рамон. – Почему бы тебе не посмотреть этот твой гребаный парад, а?

Когда веселье начало выдыхаться, уже сгустилась ночь. У подножия холма, на поле у дворца подожгли огромную кучу дров, которыми была обложена фигура Горе-Старца – мистера Хардинга, как называли его колонисты с Барбадоса – наспех сколоченное изваяние, гротескная карикатура на европейца или *norteamerikano*⁴, с выкрашенными зеленым щеками и длиннющим как у Пиноккио носом. Костер разгорелся, и исполинская кукла начала размахивать руками, крича, будто от боли, и Рамона вдруг пробрал озноб, словно ему предоставили сомнительную возможность созерцать мучения души, обреченной на геенну огненную.

Подразумевалось, что Горе-Старца испепеляли все людские невзгоды минувшего года, но, глядя на то, как извивается в огне кукла, слушая ее усиленные электроникой стоны, Рамон не мог отделаться от мысли, что это сгорает *его* удача и что с этой минуты его не ждет ничего, кроме невзгод и лишений.

И одного взгляда на Елену – продолжавшую молча сидеть с накрепко сжатыми, побелевшими губами с того самого момента, когда он нарычал на нее – хватило, чтобы подсказать: пророчество это начнет сбываться очень и очень скоро.

---

⁴ североамериканца (*исп.*).

Глава 2

Он не имел намерений возвращаться раньше, чем через месяц. Даже при том, что они натрахаились накануне ночью после одной из обычных своих ожесточенных ссор, терзая друг друга, как два обезумевших от желания зверя, он решил уйти прежде, чем она проснется. Задержись он – и они поссорились бы снова, и она, возможно, все равно выставила бы его взашей; помнится, он засветил ей вчера бутылкой, и она наверняка припомнила бы ему это, протрезвев. Правда, не будь того убийства в «Эль рей», он мог бы и задержаться еще в городе. Елена скорее всего остыла бы через денек-другой – по крайней мере настолько, чтобы они могли разговаривать, не срываясь на крик, вот только новости о смерти европейца и губернаторском гневе заставляли его испытывать в Диеготауне острую клаустрофобию. На портовом складе, куда он зашел за припасами и фильтрами для воды, ему все время казалось, будто за ним следят. Сколько народу было в той толпе? Сколько из них знали его в лицо... или по имени? Всего, что он хотел, на складе не оказалось, но он купил то, что имелось в наличии, а потом перегнал фургон на свалку техники у Гриэго в Нуэво-Жанейро. Для серьезной работы фургон нуждался в кое-какой починке, и Рамон хотел, чтобы это сделали безотлагательно.

Свалка Гриэго располагалась на городской окраине. Громоздкие остовы старых фурунов, прогулочных флаеров и небольших частных челноков усеивали площадь в несколько акров. Половину ангара занимали бэушные запчасти, половина оставалась свободной. С антигравитационных подвесов свисали элементы питания, от которых – как, похоже, от всей турианской техники – исходило причудливое сияние. У одной из стен примостился негромко гудящий ядерный генератор размером с небольшую квартирку. Стеллажи с разным барахлом громоздились до потолка; баллоны с редкими видами топлива и канистры нанокрасок соседствовали на них с лысыми крышками и замасленными приводами. Половина из хранившихся здесь деталей потребовали бы полугодового заработка только для того, чтобы заставить их работать; вторая половина не стоила даже усилий на то, чтобы их выбросить. Старик Гриэго колотил молотком древнюю подъемную тубу, паря на платформе, когда Рамон опустил свой фургон на стоянке.

– Эй, парень, – окликнул его Гриэго, стоило Рамону хлопнуть дверцей. – Давненько не показывался. И где тебя носило?

Рамон пожал плечами.

– У меня утечка где-то в задних тубах, – сообщил он.

Гриэго нахмурился, отложил кувалду и вытер замасленные руки о штанины.

– Загоняй на пост диагностики, – сказал он. – Посмотрим, что там у тебя.

Из всех жителей Диеготауна и Нуэво-Жанейро, а может, и всей этой планеты старый Гриэго нравился Рамону больше других... точнее говоря, его он ненавидел совсем немного. Гриэго был отменным специалистом во всем, что касалось самодвижущихся механизмов, марксистом постконтактной эпохи, а еще – насколько мог судить Рамон – человеком, совершенно свободным от каких-либо моральных суждений. У них ушло чуть больше часа на то, чтобы найти причину неразумного поведения тубы, заменить карту и запустить программу проверки. Пока фургон, вибрируя, бурчал что-то сам себе, Гриэго прохромал к одному из серых складских контейнеров, набрал на панели код и, открыв створку охлаждаемого отсека, извлек оттуда упаковку местного темного пива. Выудив из коробки пару бутылок, он заскорузным пальцем сорвал с них крышки и протянул одну Рамону. Рамон прислонился спиной к пустой бочке из-под машинного масла и сделал глоток. Пиво было густым, сильно отдавало дрожжами, и на дне бутылки остался толстый слой осадка.

– Ничего, а? – спросил Гриэго, осушив одним глотком полбутылки.

– Неплохо, – кивнул Рамон.